

# Детство с запахом арбуза

ты помнишь?

23:17 ✓

ты это придумала

23:18 ✓

давай встретимся  
и поговорим

23:19 ✓

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Кристина Клямер

Кристина Клямер

**Детство с запахом арбуза**

«Автор»

2026

## **Клямер К.**

Детство с запахом арбуза / К. Клямер — «Автор», 2026

В восемнадцать лет к Алисе возвращаются мучительные воспоминания о тяжёлой психологической травме. Пытаясь разобраться в хаосе собственных чувств, она находит сводного брата в соцсетях и решается на переписку — так начинается её болезненный путь к правде. С каждым новым сообщением сомнения только нарастают: где граница между реальной болью и искажённой памятью? Перед Алисой встаёт невыносимый выбор — дать ход официальному разбирательству, отпустить прошлое или признать, что вся история могла быть лишь плодом её воображения. Эта история — о хрупкости памяти, тяжести морального выбора и долгом пути к исцелению.

© Клямер К., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                             |    |
|-----------------------------|----|
| Глава 1                     | 6  |
| Предисловие                 | 7  |
| Часть первая. Вспомнить Всё | 8  |
| Глава 1                     | 8  |
| Глава 2                     | 13 |
| Глава 3                     | 23 |

# **Кристина Клямер**

## **Детство с запахом арбуза**

## **Глава 1**

## Предисловие

Дорогой читатель, если ты оказался здесь, значит, выбрал эту книгу не случайно. Тебя привела сюда необычная обложка, описание, а может быть, просто название книги. В любом случае, по какой бы причине ты ни оказался здесь, я рада видеть тебя на страницах своего первого и, надеюсь, не последнего романа. Всё, что ты прочтёшь в этой книге (если тебе будет от этого легче), — все герои и антигерои придуманы мной в тихий весенний вечер. Источником вдохновения для книги стала совсем не вымышленная история, которая происходит каждый день с женщинами, девушками и девочками по всему миру. (Не дискриминируя мужчин, хочу заметить, что насилие может происходить и в их отношении тоже, однако в книге речь пойдёт именно о представительницах женского пола.) События и эмоции, испытываемые героями книги, страшнее любого фильма ужасов: ведь фильм можно забыть, его можно рационализировать и придумать, что с тобой такого никогда не случится. То, с чем сталкиваются герои моей книги, тоже можно забыть. И если твоя психика довольно сильно предрасположена к выживанию, мозг может вытряхнуть из головы любое травмирующее событие — и это будет круто. Но если тебе не так сильно везло, то этот ужас и кошмар будет преследовать всю жизнь, находя отголоски произошедшего в твоей голове и срывая ту самую корочку, которая всё никак не может затянуться. Насилие, каким бы оно ни было — физическое или психологическое, — до недавнего времени было табуированной темой и для многих остаётся очень тяжёлой, независимо от того, сталкивался ты с этим, дорогой читатель, или нет (я надеюсь, что нет). Если всё же в твоей жизни были случаи, когда с тобой или твоим телом поступали так, как ты не хотел, — эта книга может сделать тебе больно. Поэтому, если ты не готов, а может, ты беременен или слишком юн, чтобы воспринять книгу исключительно как художественное произведение, рекомендую почитать что-нибудь другое. Если ты всё ещё остаёшься со мной, тогда представляю тебе роман, в который вложены моя душа и мои ещё неотточенные умения и навыки. Спасибо за доверие, дорогой друг! Приятного чтения!

## Часть первая. Вспомнить Всё

### Глава 1

Опять этот сон. Третий раз за неделю. Жутко болела голова. Попытки вспомнить хоть какие-то обрывки сна не увенчались успехом. Между тем я могла сказать одно: в третий раз за неделю я просыпаюсь со стойким желанием убежать в душ.

Не отпускало ощущение дежавю. Несмотря на отсутствие полноценной картинке сна, было жуткое, мерзкое чувство, что это один и тот же сон, о содержании которого мне приходится лишь догадываться. Третий раз. И всё после жуткой пьянки.

Желание помыться самой и вымыть из своего рта эту горечь было невыносимым.

7:20.

— Алиса, солнце моё, ты уже проснулась? - прозвучал ласковый голос изза стеклянной двери.

Ручка двери, грушевидной формы, аккуратно повернулась, и в комнату вошла она — любовь всей моей жизни, моя мама. На маме был её любимый вязаный халат, немного растянутый на локтях, но такой уютный, что от одного его вида становилось теплее. В то утро... да что там, в те годы я не особо осознавала, насколько счастливый билет вытянула и как сильно мне повезло.

Рядом с ней даже самые чёрные мысли будто теряли остроту, а мир снова становился понятным и добрым — пусть и ненадолго. Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько нежности, что улыбнувшись в ответ, всё плохое осталось где-то снаружи, за пределами этой комнаты, и сюда ему хода нет.

Приподнявшись на локоть, я протёрла глаза.

— Доброе утро, — протяжно зянула я и принялась потягиваться в ещё тёплой постели, старательно дыша в сторону, чтобы мама не почувствовала запах перегара. На душе скребли кошки: стыдно было за вчерашнее, но показывать это я не хотела.

Включи мама в то утро свет поярче — можно было бы подумать, что мышцы моего лица перекосило изза выпитого накануне алкоголя.

— Ты поздно вчера... сегодня пришла? Просыпалась в четыре — тебя ещё не было. Праздновали начало учебного года?

— Ну да, — ответила я, забыв упомянуть, что учебный год ещё даже не начался и праздновать его особо не с кем было. Пили вдвоём, с подружкой детства. Вот только она никуда не поступала, а работала, как и в прошлом году, в Энгельсе, где жила её бабушка. К нам она приезжала, чтобы увидеться с мамой и заодно вспомнить, почему, собственно, отсюда уехала. Так что начало учебного года было только у меня.

«Считается ли это алкоголизмом? Нет, — мысленно успокаивала я себя. — Пилито мы вдвоём». Но в груди всё равно ворочалось неприятное чувство: получалось, что праздновала я в одиночку, а это уже тянуло на самообман. «Словесная проституция», — мелькнула горькая мысль, и я тут же отогнала её прочь.

— Сделала бутерброды с колбасой, будешь?

Желудок в тот же миг свело, но не столько от предвкушения любимых бутербродов, сколько от позывов тошноты — будто кислота обожгла пищевод, напоминая о вчерашнем.

— Буду. И чай, — голос прозвучал хрипло, будто наждачкой по горлу провели.

— Ну всё, приходи тогда на кухню, — ответила мама, и за ней тихо закрылась дверь. Послышались звуки шуршания в шкафу: она собиралась на работу, наряжалась, привычно приводя себя в порядок — в отличие от меня.

Я встала с кровати и мгновенно ощутила ту самую ватную туманность в голове, смешанную с тяжестью вчерашнего алкоголя.

«О боже, ну и видок...» — мысленно простонала я. Проходя мимо зеркала, нельзя было не заметить опухшее после нескольких литров алкоголя лицо. На голове вместо рыжих волос было настоящее гнездо горихвостки. Миленький бэбифейс едва проглядывал сквозь похмельную пелену. Из всего, что пришлось лицезреть в зеркале, сноской казалась только фигурка: грудь второго размера — с пушапом можно было выдать и за третий, — и попа, которая и в зеркале смотрелась неплохо, а в обтягивающих джинсах не раз становилась объектом мужского внимания.

«Надо привести себя в порядок, — твёрдо подумала я, стискивая зубы, чтобы унять дрожь в пальцах. — Первое сентября, а я выгляжу как модельтопленница. 90–60–90 тут не помогут».

Я вышла из комнаты. Перед зеркалом мама старательно расчёсывала кудри — движения были торопливыми, будто она пыталась этим ритмом разбудить и себя, и весь дом.

— Всё на столе, кушай скорее, а то остынет, — сказала она, и в голосе слышалась та самая настойчивая забота, которую я знала с детства: не просьба, а мягкий приказ, которому почти невозможно не подчиниться.

— Я сначала умоюсь, — сонным голосом протянула я, едва разлепляя веки и цепляясь за последнюю возможность отсрочить реальность.

— Успеешь, стынет всё! Кому чай наливала? — Мама чуть нахмурилась, но в этом недовольстве не было злости — скорее тревога, что день пойдёт наперекосяк, если мы не уложимся в её невидимое расписание. Что касается еды, мама умела уговаривать.

Вектор моментально сменился в противоположную сторону и привел меня на кухню.

Во рту стояла мерзкая сухость, чай, который стоял передо мной вызвал практически возбуждающий экстаз одним своим видом. Я схватила кружку и принялась жадно пить обжигающий чай, но мне было плевать какой он, потому что во рту стояла мерзкая сухость. Вяжущее ощущение дерьмого пойла ощущалось сполна, но я глотала, не морщась: сейчас даже это было лучше, чем ничего.

Впрочем, когда тебе всего восемнадцать, а подружке ещё не исполнилось восемнадцати, самостоятельно добыть алкоголь можно было, лишь зная места, где продают малолеткам, либо попросить кого-то купить. Впрочем, в этом случае речь о самостоятельности шла косвенно. Ранее, чаще всего втягивать в содействие нашего с Аминой «алковечера» приходилось кому-нибудь со стороны, но и тут не обходилось без нюансов: денег у нас было немного, даже на двоих, и качество запрашиваемого алкоголя было соответствующим. Поэтому никто из прохожих, знакомых или людей, которые умели мыслить хотя бы чуть-чуть, не хотел брать на себя ответственность за спаивание — и, не дай бог, смерть двух детей. Пусть даже если это с первого взгляда безобидная покупка «Виноградного дня».

Все попытки казаться взрослыми друг перед другом в предыдущий вечер мгновенно исчезли, когда я оказалась на кухне, а передо мной стояли горячие бутерброды из духовки, и наполовину выпитый мной чай, с лимоном и медом.

Передо мной стояли горячие бутерброды из духовки и наполовину выпитый чай с лимоном и мёдом.

— Алиса, вытащи, пожалуйста, бельё из стиральной машинки и развесь. Я уже не успеваю. Если опоздаю, этот маразматик снова будет кричать, — сказала мама, и в её голосе дрожала привычная, но оттого не менее острая тревога.

Речь шла о мамином начальнике, директоре школы, в которой я когда-то училась. Мама устроилась в школу лаборантом, когда завод по переработке минеральных удобрений закрылся в нашем городе и семь тысяч человек в одночасье остались без работы.

— Хорошо, мам, я вытащу, — отозвалась я без особого энтузиазма, но и без открытого бунта: сегодня не было сил на споры.

— Не забудь, пожалуйста! Завоняется, а на ближайшие два дня обещают дождь. Не высохнет — будем носить сырые вещи или в грязном ходить... Или ещё что похуже, — продолжала причитать мама, торопливо застёгивая пуговицу на своей строгой блузке: она всегда старалась выглядеть опрятно, даже когда времени оставалось в обрез.

— Я поняла-а, — с нескрываемым подростковым недовольством протянула я, растягивая слово, будто эта интонация могла хоть немного отсрочить неизбежное. — Я вытащу.

— Всё, я ушла. До вечера, — протараторила мама. — Бельё не забудь! — услышала я напоследок, прежде чем дверь хлопнула.

Чай был вкусный, а вот бутерброды — не очень. Колбаса была не такая, как обычно: возможно, мама решила попробовать что-то новое. Обычно она брала ветчину. Вкус этой колбасы, явно не самого лучшего качества, пытались скрыть за жидким дымом и огромным количеством специй. Я доела всё: предстоял долгий день, и когда мне удастся поесть в следующий раз, было неизвестно.

Взглянув на часы, я почувствовала, как сердце ёкнуло. 8:30. «Твою мать, опаздываю, блин!» — мысленно выругалась я и бросилась в душ, понимая, что собираться придётся в экстренном режиме.

В душе кипяток практически расплавил кожу. Мыться под кипятком было особым видом удовольствия — или самонаказания, как я иногда думала. Говорят, не каждый способен это оценить, а мне в те минуты казалось, что только обжигающая вода может смыть остатки вчерашнего вечера и вернуть ощущение реальности. Я выбежала из душа, натянув белое кружевное бельё. Вода стекала с моих рыжих волос — теперь они уже совсем не походили на спутанное гнездо. Лучи рассвета падали на нос, и в этом свете особенно ярко проступала россыпь веснушек: будто кто-то щедро рассыпал по коже золотистую пыльцу. Стрелочки и неброский макияж стали моими лучшими друзьями в попытках скрыть последствия алкоголя: чуть больше консилера под глазами, чтобы спрятать тени усталости, немного туши, чтобы взгляд казался бодрее, и лёгкий блеск для губ — чтобы добавить образу хоть каплю свежести. Образ дополнили белая блузка — уже поглаженная мамой, с изящным кружевом на манжетах — и серая приталенная юбка, которая, на мой взгляд, больше напоминала униформу банковского работника, чем наряд студентки первого курса. Я в последний раз посмотрела на себя в зеркало, задержала дыхание на секунду, и выбежала из дома.

8:45. Автобуса всё ещё не было. В голове мелькнула мысль вызвать такси на последние деньги. Впрочем, какая разница — ведь сегодня пятнадцатое сентября, а значит, сегодня я получу выплаты как ребёнок-сирота. Какнибудь да разберёмся...

Открыв приложение для вызова такси, я вбила нужный адрес — и на экране появилась цена: 430 рублей. «Вы с ума там посходили, что ли?» — подумала я, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения. Грабёж! Но мытьё головы и приведение себя в порядок и так отняли слишком много времени, а опаздывать никак нельзя. Я нажала на кнопку «Заказать». Лучше приехать пораньше и немного подождать, чем ехать и каждую секунду нервно гадать: успею или нет.

Такси прибудет через три минуты. «Здорово, — усмехнулась я про себя, — особенно если учесть, что через две минуты приехал автобус». Закон подлости, не иначе. В груди шевельнулось досадное чувство, будто мир специально подкидывает эти мелкие испытания, проверяя, сколько ещё я смогу держать себя в руках.

В такси я ощутила тот самый нежный трепет — будто внутри что-то тихо дрожит от предвкушения. Первый день в колледже: новые люди, новые преподаватели, новый этап в жизни.

Несмотря на юный возраст, я ощущала себя довольно взрослой: с этого дня моя учёба, да и вообще вся жизнь целиком, принадлежала только мне.

У мамы больше не нужно было просить денег. Зная размер выплат, я мысленно прикидывала: теперь я сама смогу помогать ей с покупкой продуктов. Ведь как ребёнку, оставшемуся без родителей, мне будут выплачивать около 80 тысяч рублей в месяц. Стоит отметить, что такие деньги видит даже не каждый работающий человек — что уж говорить о восемнадцатилетней девочке.

В голове вдруг всплыл тот летний разговор — словно кто-то нажал на кнопку, и картинка встала перед глазами: мы с ребятами сидели на лавочке у подъезда, солнце жарило так, что асфальт плавился, и я, сама не зная зачем, выпалила:

— Мне теперь выплаты будут приходить. Около восьмидесяти тысяч в месяц.

На секунду повисла тишина, а потом Дима хмыкнул и откинулся на спинку лавочки, прищурившись от солнца:

— Повезло, такие деньжищи!

Я тогда улыбнулась, будто и правда мне крупно повезло. А сейчас, глядя в окно на мелькающие дома, почувствовала, как улыбка сползает с лица.

— Двое из троих родственников похоронены с разницей в два года... Главное, чтобы тебе так не повезло, — с ехидным сарказмом ответила я.

Хотя, если подумать, одного близкого человека я видела раз пять в жизни, а другого знала подольше — но он так быстро появился и так же быстро исчез, что эмоциональной привязанности ни к тому, ни к другому не возникло. И от этой мысли на губах снова проступила горькая усмешка: выходит, везение — моё второе имя.

Что касается мифических родственников, то Мой отец всегда был словно персонажем с картины Рене Магритта «Сын человеческий»: его лицо не знал и не помнил никто из моего ближайшего окружения, но то, что он был, прекрасно понимали все.

В 2000х с работой всё ещё было туговато: отголоски только что развалившейся страны ещё долгие годы бередили раны простых граждан. Многие пытались заработать, уходя в моря или работая вахтовым методом, — мой отец не был исключением. Он приехал в наш маленький городок, чтобы заработать. И, как это нередко бывает в командировках, отец с мужиками пошёл разведать обстановку в ближайший бар — считай, и разведал. На одной из таких пьянок они познакомились с моей мамой, точнее, с биологической мамой — это тоже важно отметить. Её звали Света.

По рассказам единственной Светиной подруги, большой и красивой истории любви у них не случилось. Обычный перепихон — так, мимолётная искра, вспыхнувшая между девятнадцатилетней пьяной девочкой и взрослым женатым мужчиной, приехавшим в командировку. От этой фразы в памяти будто оседала серая пыль — никакой романтики, только голая, неприглядная правда. — В колледж едете? Начало учебного года? — мужской голос с характерным акцентом резко вырвал меня из водоворота собственных мыслей. — Да. В колледж, — сухо ответила я. Прозвучало грубовато, почти как захлопнутая дверь. Таксист чуть приподнял брови, будто хотел ещё что-то добавить, но передумал. Видимо, запас его дружелюбия на сегодня закончился ровно в ту минуту, когда я села на заднее сиденье. Он снова уставился на дорогу, а я опять провалилась в воспоминания о Свете. Она не была из тех роковых женщин, к ногам которых кидают меха и сыпят драгоценности. На внешность она и правда не особо выделялась: светлые волосы с сероватым оттенком, будто выгоревшие от ветра и времени, бледно-голубые глаза, кожа, прозрачная до синевы, и этот осунувшийся овал лица — то ли от алкоголя, к которому она потянулась слишком рано, то ли от тяжёлой жизни, которая не давала ни секунды передышки. Про таких обычно говорят: «Ну, интересная... на любителя» или «Подкрасится — и ничего». И в этом «ничего» и заключалась вся её горькая история.

— У вас переводом или наличными? — спросил таксист, коротко глянув на меня в зеркало.

— Э... переводом, — замешкалась я и судорожно начала заходить в приложение банка. Пальцы будто не слушались, путались в кнопках. Воспоминания о прошлом и эта предстоящая встреча с новым этапом жизни явно выбивали меня из колеи, тянули вниз, мешали собраться.

— Продиктуйте номер, пожалуйста, — голос прозвучал тише, чем хотелось бы, будто я извинялась за свою неловкость.

Таксист цокнул и закатил глаза — и в этом коротком жесте вдруг растаяла вся его прежняя приветливость. Ещё пятнадцать минут назад он был вежливым, почти заботливым, а теперь будто спешил поскорее избавиться от неудобной пассажирки. Он продиктовал номер, тут же уткнулся в телефон, проверяя оплату, и заторопился с прощанием.

— До свидания, — тихо сказала я, уже выходя из машины.

— Угу, — буркнул мужчина, не поднимая взгляда. Экран его телефона уже мигал новой заявкой. Он явно надеялся, что следующие пассажиры окажутся поговорчивее, чем какая-то девчонка, с похмелья.

«Ну и хрупкое же мужское эго», — мелькнуло у меня в голове, но без злости — скорее с усталой иронией. «Ничего страшного, переживёт». Я вышла из машины и в этот момент водитель моментально дал газу и скрылся за поворотом. Я глубоко вдохнула прохладный утренний воздух, расправила плечи и посмотрела вперёд, туда, где за поворотом уже виднелись строгие очертания здания колледжа. Новый этап. Пора было идти.

## Глава 2

### Часть первая. Вспомнить всё

#### Глава 2

Колледж состоял из трёх зданий — все учебные, но с чуть разными функциями.

Первое здание, выкрашенное в тусклый серо-зелёный цвет, соединяло в себе учебный корпус и наполовину общежитие. Изначально я заметила нескольких парней в трениках и подумала, что, видимо, специфика специальности и возраст позволяют в столь неприглядном виде ходить на учёбу.

Однако спустя пару дней я увидела девушку, выходящую из стеклянной двери — по ощущениям, точно ведущей в Нарнию, где никто не знал, что находится за этой дверью. На голове у той девушки была причёска, называемая «гулькой», на ней — штаны и кофта с зайцами «Бакс Бани»: явно пижама. На ногах виднелись ярко-розовые пушистые тапочки, в руках — только тетрадка и ручка. Не думаю, что это одобрялось официально, но жизнь в колледже шла по своим неписаным законам, и уж было как было.

Второй корпус, бледно-жёлтый, будто выцветший от бесконечных дождей, был совсем небольшим по сравнению, например, с первым или третьим: двухэтажное здание, в котором в основном располагались тесные кабинеты, где принимали зачёты. Самой большой аудиторией, если её можно было так назвать, оказалась тихая, почти немая библиотека. Тишину там нарушал лишь гул принтера, который, по студенческим легендам, работал на благо независимого студенческого фонда — а по факту печатал бесконечные конспекты и курсовые.

Третье здание — то, к которому я и подъехала, — было главным; мы потом его прозвали «головным» корпусом. С виду — такое же непримечательное кирпичное здание, как и два предыдущих, разве что оттенок кирпича тут был чуть теплее, будто строители в последний момент решили добавить немного оптимизма. Но у головного корпуса имелось главное отличие: все окна были пластиковыми, а возле здания красовался пандус для студентов с ограниченными возможностями... либо, как потом шутили в коридорах, для визитов местного телевидения.

— А в других корпусах пандусов нет, — буркнул парень с рюкзаком, проходя мимо. — Говорят, бюджет только на один выделили. Зато какой! Образцово-показательный.

Я невольно хмыкнула, глядя на этот безупречно ровный, новенький пандус и оценив величие местной архитектуры зашла внутрь.

Как только я оказалась внутри, передо мной по бокам выстроились стулья — явно те самые, из столовой: облезлые, с поцарапанными металлическими ножками и сиденьями, будто их годами терзали сменными башмаками. Прямо напротив, за стойкой-трибуной, восседала тучная, необъятных размеров пожилая женщина — словно не вахтёрша, а страж врат в этот новый, пугающий мир колледжа. Её массивная фигура будто занимала всё пространство за стойкой, а строгий взгляд из-под тяжёлых бровей не оставлял шанса проскочить незамеченной.

— Пропуск ваш, — прозвучал неприятный голос прямо возле правого уха, заставляя всё тело содрогнуться.

«Боже мой, как будто пенопластом по стеклу», — пронеслось у меня в голове, и я невольно втянула голову в плечи, словно это могло сделать меня незаметнее.

— У меня нет пропуска. Первый курс, только на линейку иду, — выдавила я, стараясь говорить уверенно, но голос предательски дрогнул.

— Первачки... — устало протянула вахтёрша, будто само это слово несло в себе груз тысячелетних разочарований. — Ну проходите. Группа-то у вас какая?

Вопрос женщины определённо заставил меня замешкаться, хотя причин для этого не было: ответ я знала наизусть. Но вместо чёткого «триста двадцать первая» с губ сорвалось робкое:

— Вроде триста двадцать первая...

От этой ноты моего сомнения у вахтёрши закатились глаза, и, может, мне показалось, но на её лице промелькнула едва уловимая злорадная улыбочка — та самая, что означала только одно: я дала ей долгожданный шанс разглагольствовать о потерянности моего поколения. И я не ошиблась.

— «Вроде», — покачала она головой, выделяя это слово так, будто оно было главным доказательством краха современной молодёжи. — Вот вы, молодёжь... — она ткнула в меня пальцем, а потом широким, почти царственным жестом провела рукой, объединяя под эгидой «безнадёжных» ещё с десятков студентов, топтавшихся за моей спиной. — Со своими телефонами родную мать забудете. Если триста двадцать первая, так ты так и говори. Ясно?

Причитания женщины наконец закончились, и она слегка наклонилась вперёд, опершись на стойку так, что та тихонько скрипнула.

— Иди в спортзал, там все первокурсники. Потом пойдёте в актовый зал — там мероприятие по открытию учебного года для всех студентов. В спортзале, — она закашлялась, и кашель получился сухим, надрывным, будто годами копившимся среди пыльных журналов посещений, — будут ваши кураторы с табличкой номера вашей группы. Уж там-то вы в состоянии справиться?

В попытке изобразить что-то вроде смеха над «безнадёжными» женщину накрыл новый приступ кашля — резкий, лающий, от которого даже стулья будто вздрогнули. Чтобы не стать случайным свидетелем её смерти, я поспешила развернуться и нырнуть в коридор, унося с собой ощущение, что только что прошла первый, негласный экзамен колледжа — и не факт, что сдала его на отлично.

\*\*\*

На входе в спортзал я столкнулась с шикарной блондинкой — ей было примерно лет сорок, и она будто сошла со страниц глянцевого журнала, неуместного в этих обшарпанных коридорах колледжа. Её фигура имела отчётливо грушевидные очертания: узкие плечи и тонкая талия лишь подчёркивали округлые бёдра, на которых ярко-красная атласная юбка сидела так, словно её шили специально для подиума.

Волосы — блондинистые, тёплого медового оттенка, ровно подстриженные по плечи, — легли мягкими волнами, будто после укладки у дорогого стилиста. Белая блузка из тонкой ткани была безукоризненно отглажена, а складки на ней ложились так идеально, что казалось: стоит пошевелиться — и ткань зашелестит, как страницы свежего номера модного журнала. На пальцах поблёскивали золотые кольца — на всех, кроме безымянной левой руки, где, по всем правилам, должно было быть обручальное. Эта маленькая деталь почему-то цепляла взгляд сильнее всего, словно в ней пряталась целая история.

От женщины исходил приятный, очень изысканный аромат Tom Ford «Lost Cherry» — тот самый, который не спутаешь ни с чем. Сладковатый, но не приторный, с вишнёвой горчинкой и тёплыми древесными нотами. Я столько раз его перенюхала в разных бутиках и интернет-магазинах в поисках хоть какой-то туалетной воды, отдалённо напоминающей оригинал, что теперь узнавала его с первых секунд.

— Ну куда же вы идёте! — цокнула она языком и раздражённо проговорила, чуть приподняв брови так, что на лбу пролегла едва заметная складка.

— Ну, извините, — без тени сарказма ответила я, хотя внутри всё сжалось от усталости.

«Смотреть надо, куда несёшься со своими бумажками, а не бежать сломя голову», — пронеслось у меня в голове, но вслух я этого не сказала. Между нами повисла пауза — тяжёлая, звенящая. Женщина явно не ожидала такой реакции: она рассчитывала на вспышку, на оправдания, на виноватое лепетание, а я просто стояла и смотрела на неё без вызова, но и без покорности. Другой реакции я выдать просто не могла: утро и так вышло не самым сказочным, а негатива в мою сторону с самого утра и так вылилось столько, что чаша терпения уже переливалась через край. Хватит.

Женщина с презрением посмотрела на меня оценивающе снизу вверх, а потом резко развернувшись на каблуках, молча умчалась куда-то в сторону лестницы на второй этаж, оставив после себя лишь лёгкий шлейф того самого вишнёвого аромата.

“Дура какая-то” подумала я. Нельзя же шипеть на каждого, кто появляется в дверях.

Я прошла вглубь спортзала, где уже собрались студенты и преподаватели. Просторного помещения с лихвой хватало, чтобы разделить студентов на группы и визуально отделить одну «кучку» от другой — так, чтобы даже издалека было понятно, кто к кому относится.

Спортзал выглядел точь-в-точь как десятки других спортзалов по всей России — тех самых, что строили ещё при СССР и которые теперь достались новым поколениям в качестве своеобразного наследия. Что забавно, даже цветовую гамму с тех пор не меняли: стены по-прежнему были выкрашены в эти характерные розово-зелёные тона, будто кто-то всерьёз верил, что такое сочетание бодрит и настраивает на спортивные подвиги. Пол украшала разметка, в точности повторявшая линии баскетбольной площадки, — словно напоминание о том, что здесь всё-таки должны играть, а не просто толпиться.

Высокие потолки придавали залу ощущение простора, а окна невероятных размеров, защищённые металлическими сетками, выглядели как надёжная броня — последняя линия обороны на случай, если какой-нибудь излишне рьяный студент решит пустить мяч со всей силы в непредсказуемом направлении.

В зале собралось около семи групп — точно подсчитать было непросто. Хоть организаторы и старались развести студентов по разным углам, полностью учесть человеческие связи оказалось невозможно: те, кто знал друг друга ещё до колледжа, неизбежно сбивались в кучки где-то на стыке территорий. Порой казалось, что они вообще образуют свою отдельную, неофициальную группу. Зато почти возле каждой группы стояла женщина с табличкой, на которой был чётко выведен номер, — это помогало новичкам вроде меня не растеряться и быстро сориентироваться.

Я внимательно оглядела зал в поисках своей группы. 318, 324, 319... В правом углу зала стояла группа из пятнадцати человек. Методом исключения я поняла, что мне именно туда, хотя эту группу как раз и отличало отсутствие женщины с табличкой — будто она по какой-то причине решила, что эти студенты и так прекрасно обойдутся без подсказок.

#Привет. Это 321 группа? - очень по экстравертному выпалила я. На меня сразу уставились тридцать глаз, смеривающих меня оценивающим взглядом. Впрочем, не могу сказать, что я не делала тоже самое.

— Э... Привет, да, — ответила темноволосая девчонка, на вид моя ровесница. В её голосе слышалась лёгкая растерянность, будто она сама не до конца верила, что решилась заговорить. — Наша куратор вышла. Там что-то с табличками напутали, и в общем... ну, сами видите, тут всё вперемешку.

— Ясно, — сама того не заметив, грубо обрубил я. Видимо, негатив и правда заразен: он оседал в воздухе, как мелкая пыль, и цеплялся к каждому слову.

Единственным человеком, который вообще вышел со мной на контакт, была эта девушка — и та теперь стеснительно замешкалась, будто пожалела о своей смелости. Она приоткрыла

рот, словно хотела добавить что-то ещё, но в последний момент передумала и только неловко поправила прядь волос, упавшую на лицо.

«Не слишком дружелюбно», — подумала я про себя. Так мы друзей в колледже точно не найдём.

Остальные одноклассники встретили мой немой вопрос скромным, почти угрюмым молчанием. Кто-то уставился в пол, кто-то делал вид, что очень внимательно изучает потолок, будто там висело расписание, которое могло всё объяснить.

Одна из девушек — темноволосая и тёмноглазая, стоявшая чуть поодаль от той, что со мной заговорила, — подняла на меня взгляд и тут же снова уткнулась в телефон, будто экран мог стать надёжным щитом от любых попыток знакомства. На ней была короткая юбка и облегающая футболка, а ярко-красные ногти сверкали, как маленькие предупреждающие огоньки. «Фифа», — пронеслось у меня в голове. Так моя тётя называла девушек, которых без отсутствия каких-либо фактов шлюхами не назовёшь, но их внешний вид говорил за них больше, чем те факты, которые мы к сожалению или счастью не знаем.

Вдали топталось ещё несколько ребят. Среди них выделялась блондинистая девушка — она явно кого-то ждала: то и дело вытягивала шею, высматривала кого-то в дверях, а каждого, кто входил в спортзал, рассматривала издали, будто пыталась угадать в нём нужного человека. Моему появлению она не придала особого значения — лишь скользнула по мне равнодушным взглядом и снова уставилась в сторону входа.

Рядом с ней стояла та самая девушка, которой я недавно нагрубила. Она то и дело поглядывала на парня рядом — он стоял, переминаясь с ноги на ногу, с рюкзаком за спиной и в спортивных серых трениках, парень будто готов был сорваться с места в любую секунду, то, насколько ему было некомфортно здесь, ощущалось практически на физическом уровне.

Мы подождали ещё несколько минут, и тут в зал буквально влетела та самая женщина, которой четверть часа назад я имела смелость не понравиться. В руках она сжимала какие-то таблички, а под мышкой торчал тёмно-зелёный блокнот.

— Нашла я наши таблички! И списки группы взяла. Давайте проведём переключку! — выпалила она, не переводя дыхания.

Ребята, которые подошли в её отсутствие, отозвались практически многоголосым хором: «Здравствуйте!» — и я не стала исключением.

— Здравствуйте, — проговорила я, старательно подбирая тон и даже позу: хотелось, чтобы мой голос, да и я сама, не выделялись из общей массы, растворились в этом дружном приветствии.

— Здравствуйте-здравствуйте, — протянула блондинка и вдруг обрушила на меня взгляд, который в тысячу раз превосходил по силе тот, что достался мне в коридоре. От этого взгляда по спине пробежал колющий холодок, будто кто-то провёл ледяной иглой вдоль позвоночника.

— Фамилия? — резко спросила женщина ещё до того, как успела толком начать переключку.

— Истомина, — ответила я.

Вокруг воцарилась странная тишина. Все будто замерли, не понимая, что происходит: ни листочков с фамилиями, ни нормального знакомства «как полагается» — ничего этого не было. Картина выходила непривычная, сбивающая с толку.

— Вам при рождении только фамилию дали? — сухо уточнила женщина.

— Ну так вы только фамилию и спросили, — спокойно парировала я.

Женщина возмущённо вскинула брови, не отводя от меня взгляда. В нём, полном неприязни, неожиданно проглядывали ещё и удивление, и даже какое-то невольное уважение. Скорее всего, до этого момента девчонки-первокурсницы ей так не отвечали.

— Мне повторить? Ваше имя и фамилия?

— Алиса. Алиса Истомина, — чётко произнесла я, стараясь не выдать, как сильно колотится сердце где-то у самого горла.

— Хорошо, Алиса Истомина, — она практически процедила мою фамилию сквозь зубы и что-то черкнула в своём листочке. — Идём дальше. Кинина Ангелина есть?

— Здесь, — брюнетка с телефоном на мгновение приподняла нарощенные ресницы, услышав своё имя, и вяло подняла руку — будто даже это движение стоило ей лишних усилий.

— Развивайте привычку общаться глаза в глаза — в будущем пригодится, — произнесла куратор, и на её лице мелькнуло что-то отдалённо похожее на улыбку. Если, конечно, эту усмешку вообще можно было назвать улыбкой.

Ангелина уже опустила взгляд в телефон, не дослушав фразу до конца, словно заранее знала, что ничего приятного там не прозвучит, и просто пропустила язвительность мимо ушей.

— Оксана Дмитриенко здесь? — продолжила куратор, не меняя сухого тона.

— Есть... — раздался тихий, будто стесняющийся самого себя голос.

— Что? — переспросила куратор, чуть наклонив голову, словно пыталась расслышать звук, который едва пробивался сквозь воздух.

— Есть, то есть... здесь. То есть я... хотела сказать, что я тут, — торопливо забормотала девушка. На вид — моя ровесница. Та самая, с которой у меня недавно вышел неловкий разговор: сейчас она растрачивала остатки смелости на то, чтобы просто произнести пару слов. От волнения она начала нервно поправлять чёлку, дёргая пряди так, будто пыталась привести в порядок не волосы, а собственные мысли. На секунду мне даже стало её по-настоящему жалко — эта мелкая суетливая деталь выдавала, как сильно она теряется под чужим взглядом.

— Дмитриенко тут. Ага. Отметила, — пробурчала куратор себе под нос, снова склоняясь над списком, будто хотела поскорее спрятать раздражение за деловитостью.

— Егор Чевняков? — спросила она, и в зале повисла короткая, но отчётливая тишина.

— Так и запишем. Отсутствует, — сама себе ответила куратор, водя ручкой по бумаге.

— Он скоро придёт, опаздывает! — послышался голос из-за спины Ангелины — оттуда, где стояла та самая блондинка, которая всё это время старательно высматривала кого-то у входа в спортзал. Её тон звучал чуть громче и увереннее, чем нужно, будто она пыталась не только оправдать Егора, но и доказать свою правоту. — Просто пробки, он едет!

Куратор закатила глаза так выразительно, что этот жест, кажется, увидели все.

— Просто, не просто... Время линейки было обозначено заранее. И это десять утра, — она резко глянула на часы, будто стрелки могли подтвердить её правоту лучше любых слов. — Уже десять ноль семь. И уж едет он или идёт — это уже не важно. Важно, что сейчас его на месте нет. А ваша фамилия как, защитница опаздывающих?

— Таня Молчанова.

— Таня Молчанова, — проговорила куратор, скользнув взглядом по листку сверху вниз, а потом подняла на Таню вопросительный, чуть прищуренный взгляд.

— А вашей фамилии тут нет, Таня Молчанова, — она старательно выделила каждую букву, будто хотела, чтобы смысл этих слов дошёл до всех до единого и осел в голове тяжёлым осадком.

— Я поздно подала документы... Меня предупреждали, что в списках меня может не быть, потому что приказ на зачисление вышел поздно, — торопливо объяснила Таня, слегка наклонив голову, словно пыталась стать меньше и незаметнее. В её голосе слышалась та самая робкая уверенность, которая появляется, когда знаешь, что формально ты права, но всё равно чувствуешь себя виноватой.

— Понятно. Ещё одна морока, — сухо бросила Анна Владимировна, едва заметно поморщившись, будто эта маленькая бюрократическая неувязка легла на её плечи лишним грузом.

Проведя переключку с остальными ребятами, мы практически закончили это знакомство — не скажу, что самое приятное в моей жизни. Куратор захлопнула большой блокнот изумруд-

ного цвета с таким чётким, почти театральным щелчком, что звук прокатился по залу, как финальная точка. Затем она демонстративно повернулась к нам в анфас, расправила плечи и заговорила так, будто репетировала эту речь неделями:

— Моё имя — Анна Владимировна, — её тон вдруг напомнил мне сцену из фильма «Майор Пейн»: такой же жёсткий, рубленый, не терпящий возражений, но при этом странно притягательный в своей прямолинейности. — Я человек строгий, пунктуальный, ответственный, но, — она подняла палец вверх, выделяя этот момент, словно ставила невидимый акцент, — понимающий и, при необходимости, входящий в ваше положение. Дружите со мной — и я буду дружить с вами. Есть вопросы?

В зале повисла тишина — не напряжённая, а скорее оцепеневшая. Ни у кого не возникло ни смелости, ни желания уточнять что-то из вышесказанного. Да и уточнять, если честно, было особо нечего: всё прозвучало предельно ясно, без лишних полутонов.

— Раз вопросов нет, пройдёмте в актовЫй зал для торжественной части, — произнесла она уже чуть мягче, и на этот раз её улыбка выглядела почти искренней. Блондинка развернулась и зашагала к выходу уверенной, размеренной походкой, будто точно знала, что за ней сейчас потянется вся группа.

Не услышав за собой привычного топота «крохотных первокурснических ножек», она на секунду замерла и обернулась, слегка приподняв бровь:

— Я надеюсь, особое приглашение вам не нужно?

В ту же секунду наша группа встрепенулась, словно от лёгкого электрического разряда, и дружно зашагала за своим учебным предводителем, стараясь не слишком явно спешить, но и не отставать.

Светлое учебное утро я представляла себе совсем не так. «Добро пожаловать во взрослую жизнь», — пронеслось у меня в голове, и в этой мысли смешались лёгкая горечь, странное предвкушение и ощущение, что с этой минуты всё будет по-другому.

Актовый зал напоминал футбольное поле или даже стадион — настолько он был большим. Если честно, по интерьеру и атмосфере он мало чем отличался от спортзала, из которого мы вышли две минуты назад.

Потеряв свою группу в толпе, я села на одно из коричневых «совдеповских» кресел. «Скорее всего, им уже не один десяток лет», — подумала я. Подо мной раздался характерный скрип, и в этот момент неловкость выкрутилась на максимум.

В ожидании, когда наконец начнётся торжественная часть, я продолжила мысленно рассуждать о своём детстве, матери, отце, о том, как всё получилось. В голове закралась мысль, что, на самом-то деле, мать не хотела моего рождения и что всего этого — здесь и сейчас — могло и не быть. Её подруга рассказывала, что мать хотела оставить меня в роддоме, говорила, что не проснулся материнский инстинкт. Впрочем, я считаю, что и это не оправдание: ведь человеческое отношение к тому, что из тебя родилось, никто не отменял.

— Декор, конечно, дерьмо.

— Что? — спросила я и тут же выпуталась из своих мыслей. Сердце ёкнуло от неожиданности, а потом ещё раз — уже по другой причине. Мысль ускользала от меня.

— Декор, говорю, дерьмо полнейшее, — повторил парень, чуть закатив глаза, и в этом жесте было столько усталой иронии, что я невольно улыбнулась уголком рта, сама того не желая.

Я опешила. Причём сама не поняла: от неожиданности или от красоты того, кто сидел рядом. Как я могла сразу не обратить на него внимания?

Слева от меня сидел парень, на вид лет девятнадцати. У него были русые волосы, небрежно уложенные, будто он только что провёл по ним рукой, а голубые глаза светились какой-то дерзкой, живой искрой. На нём была простая белая майка и шорты — жара на улице

давала о себе знать, и в душном актовом зале этот лёгкий наряд казался почти бунтарским. Но больше всего притягивала его улыбка — идеально ровная, красивая, будто сошедшая с обложки журнала, но при этом совершенно не надменная, а какая-то обезоруживающе искренняя. Казалось, он и сам не до конца осознавал, насколько она действует на окружающих.

— Угу, — ответила я и тут же немного смутилась, хотя это было на меня не похоже. Вдруг он говорил это не мне? Я оглянулась на наш ряд: в нём сидели лишь мы вдвоём.

— И шарага эта — такое же дерьмо. Однажды я пришёл сюда за знаниями, а теперь мечтаю поскорее доучиться и свалить, — он фыркнул, но в этом фыркание не было злости — скорее горькая усталость человека, который слишком рано понял, что реальность не совпадает с ожиданиями. Он покосился на меня, будто проверяя, осужу ли я его за эти слова, и на секунду в его взгляде мелькнуло что-то уязвимое — как будто он сам не хотел озвучивать этот монолог, но держать это в себе сил уже не было.

В ответ я промолчала. На самом деле, я была с ним отчасти согласна — декор помещения и правда был так себе. Но главной причиной моего молчания стал ток, который прошёл меня с макушки до самых пяток, как только я подняла глаза на него. Внутри всё содрогнулось.

В голове пронеслось молниеносное: «Нет-нет-нет-нет». Влюбляться вот так — нечестно. Где красивая история любви, где особенный момент, где хотя бы пара недель осторожных взглядов и случайных столкновений в коридоре? Так, Алиса, без паники, это просто похмельная дрожь, — сказала я себе мысленно и тут же нервно хихикнула где-то в глубине сознания, абсолютно себе не веря. Только не сейчас.

— Здравствуйте, уважаемые студенты! — раздался громкий голос со сцены. — Приветствуем вас...

Слова сливались в монотонный гул, шум в ушах накрыл пеленой ту часть моего мозга, которая отвечала за восприятие реальности. Я будто зависла между секундами: вроде бы сидела здесь, видела всё, но не могла зацепиться ни за одну фразу. Находясь в сознании, я даже не поняла, сколько минут выпала из действительности.

— ...Спасибо, до встречи в учебном корпусе. Четвёртый курс, оставайтесь: для вас есть отдельные новости по поводу учебного плана.

«Жесть, я всё пропустила!» — мысль ударила по вискам, как резкий звонок на паре. Где вообще моя группа? Оглянувшись, я поняла, что они сидели ровно на противоположной стороне и абсолютно не заметили моего отсутствия. Ну и ладно. Надеюсь, в группе в LeChat напишут всю необходимую информацию.

К телу липла насквозь промокшая блузка — от жары, от волнения, от этого странного, колючего напряжения, которое никак не хотело отпустить.

— Ты себя нормально чувствуешь? — спросил незнакомец, чуть наклонившись ко мне. В его голосе было не столько любопытство, сколько настоящая, чуть неловкая забота — будто он сам не знал, имеет ли право спрашивать, но не смог промолчать.

— Да-да, всё хорошо! — затараторила я, слишком быстро, слишком громко, выдавая себя с головой.

— Ты какая-то потерянная. И мокрая вся... У тебя температуры нет? А то я рядом сидел, болеть не хочу, — сказал он, пытаясь шуткой разрядить обстановку. Но за этой шуткой пряталось что-то ещё: он не сводил с меня взгляда, будто пытался разгадать, что со мной происходит.

Я хотела рассмеяться, показать, что всё в порядке, что это просто духота, но смех застрял где-то в горле. Вместо этого я неловко провела ладонью по влажному рукаву, будто хотела стереть с себя эту нелепую уязвимость.

— Просто жарко, — пробормотала я, избегая его взгляда, но он всё равно поймал мой, удержал на секунду — и в этой секунде было столько живого, настоящего интереса, что у меня снова ёкнуло сердце.

— Тут не просто жарко. Тут как в парилке. Если хочешь, можем выйти подышать.

Я кивнула, надела рюкзак на плечо и последовала к выходу. Он последовал за мной, не отставая ни на шаг, будто боялся, что если остановится хоть на секунду, я растворюсь в этом гулком пространстве, как утренний туман.

Выйдя на крыльцо, мы оба будто упёрлись в невидимую стену. Повисло десятисекундное молчание.

Ветер чуть тронул волосы, принёс запах нагретого бетона и далёкой грозы, и от этого резкого контраста с душным залом у меня наконец-то прояснилось в голове.

Он поднял на меня взгляд — и в этих голубых глазах уже не было той дерзкой искры, только спокойная, чуть усталая забота.

— Ты это... постой, подыши. И не переживай ты так. Учёба тут, конечно, дерьмо, но чтобы так переживать... Не надо. Я пошёл. А ты давай, полежи, поспи, может, полегчает. Пока.

— Пока, — сорвалось с моих губ, и голос вышел охрипшим и застоявшимся, будто я молчала не пару минут, а целую вечность.

В голове наконец-то стало тихо — ни горьких воспоминаний, ни бесконечных «а если бы», ни страха перед будущим. Только этот прохладный ветер, запах нагретого асфальта и странное, непривычное ощущение: будто мир на секунду замедлился и шепнул: «Всё будет нормально». И пусть я не знала, откуда взялась эта уверенность, я вдруг ей поверила.

\*\*\*

Я добралась домой как в тумане — ступени, лифт, поворот ключа в замке слились в одну смазанную картинку. Из головы не уходил образ парня в белой майке.

Несмотря на всё то благоговение, что на мгновение накрыло меня в актовом зале, в груди то и дело царапался холодок сомнения. В воспоминаниях он был почти идеальным: смелый взгляд, обезоруживающая улыбка, эта его усталая ирония. Но всё же что-то было не так. Что-то едва уловимое, как тень, скользнувшая по стене и тут же растворившаяся в свете. Я пыталась поймать это ощущение, повернуть его так и этак, но оно ускользало, оставляя после себя только смутную тревогу.

Мысли о незнакомце ушли на задний план, как только взгляд упёрся в корзину с бельём, сиротливо стоящую у двери. Блин. Мама просила вывесить ещё утром. А она придёт через четыре часа. Ладно, скажу, что из-за высокой влажности бельё вообще не сохнет — и я сама не понимаю, почему. Хорошо, что вспомнила: уже хоть какое-то оправдание.

Я вышла на балкон — узкий, заставленный по углам коробками и старыми банками, с облупившейся краской на подоконнике. Привычно щёлкали прищепки, бельё хлопало от сквозняка, а я вешала его почти на автомате, глядя не на простыни, а куда-то сквозь них, будто между пододеяльниками могла проступить разгадка сегодняшнего дня. Потом позволила себе такую роскошь, как дневной сон: рухнула на кровать, даже не стянув шорты, и провалилась в тёплую, вязкую тишину.

Я добралась домой как в тумане. Из головы не уходил образ парня в белой майке и его каштановые блестящие волосы.

Не смотря на мои ощущения и то благоговение, что я испытывала, на мгновение, мне показалось что было в этом парне что-то отталкивающее. воспоминаниях в нём всё было идеально, но всё же что то было не так.

Мысли о незнакомце ушли на задний план, как только вперёд вышло бельё, которое мама просила вывесить ещё утром. Блин. Мама придёт через 4 часа. Ладно, скажу, что на лице большая влажность и я вообще не знаю почему оно не сохнет. Хорошо, что вспомнила, это уже что-то.

Я развешала белье и позволила себе такую роскошь как дневной сон, разбудил меня только приход мамы домой. Мы поужинали, обсудили мой парень день в колледже и о своей

влюблённости я вспомнила только на ночь, мысли заполнили голову, но несмотря на это провалилась в сон я быстро - усталость и последствия прошлой ночи сделали своё дело. Я уснула.

Разбудил меня только звук поворачивающегося в замке ключа и мамины шаги. Мы поужинали, и сегодня мама задавала свои обычные вопросы с особым энтузиазмом:

— Как день? Что на линейке? познакомилась с кем-нибудь? улыбаясь, спросила она.

Я пожала плечами, стараясь выглядеть непринуждённо:

— Да особо ничего. Собрание... потом что-то вроде торжественной части. Всё как у всех.

Мама чуть помедлила, будто хотела ещё что-то спросить, поймать меня на какой-нибудь детали, но потом просто кивнула, негласно принимая мою усталость — и моё право не выкладывать всё сразу.

— Ну и ладно, моя девочка, хорошо. Главное, что доехала нормально.

А я сидела, смотрела на её тёплые, чуть морщинистые руки, которые привычно крутили край салфетки, и думала: да, доехала. Но вот что со мной в колледже случилось — этого я ей пока не расскажу. Секреты от мамы... — пронеслось в голове, и от этой мысли стало одновременно и неловко, и странно волнительно. А это уже интересно, мелькнуло где-то на краю сознания.

О своей влюблённости я вспомнила только поздно вечером, когда дом затих, а темнота в комнате стала такой густой, что в ней можно было прятать любые мысли. Они снова заполнили голову, кружились, как мошки вокруг фонаря, цеплялись за каждую мелочь: как он закатил глаза, как пытался шутить, как смотрел, будто хотел что-то разглядеть во мне.

Но усталость и отголоски прошлой бессонной ночи оказались сильнее. Глаза слипались, мысли путались, и в какой-то момент я перестала за них цепляться. Просто позволила темноте накрыть себя целиком. Я уснула.

Приступ тошноты заставил меня проснуться среди ночи.

3:10. Я глубоко вдохнула ночной воздух, сочившийся из приоткрытого окна, — он пах сыростью и далёкими дождями. Жжение от желудочного сока подкатило к горлу, обжигая изнутри. Резко откинув одеяло, я сорвалась с кровати и побежала в туалет.

— Алиса? — сонным, чуть дрожащим голосом проговорила мама. — Ты хорошо себя чувствуешь?

Мама включила свет в зале и поспешила к ванной комнате. В дверь раздался аккуратный, но очень обеспокоенный стук.

— Алисочка?

— Всё хорошо, мам, наверное, съела что-то не то, — ответила я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё сжималось от неловкости. На самом деле я уже давно не ела ничего, кроме маминой стряпни, — она всегда была самой вкусной и самой надёжной в этом мире.

Нажав на смыв, я вышла из ванной, чувствуя, как по спине ползёт липкий холодок стыда.

— Я не беременна, — поспешила оправдаться я, выпалив это так резко, будто передо мной стоял обвинитель, а не родная мама. Так, будто было за что оправдываться. Я прекрасно знала и понимала, как появляются дети, но, как и многие подростки, сторонилась этой темы даже в собственных мыслях — она казалась чужой, пугающей, слишком взрослой для меня.

— А я ничего и не говорю, — мягко ответила мама, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Я вижу, как ты смотришь, — буркнула я, отводя глаза.

— Попей воды и ложись спать. Это, скорее всего, желудок у тебя так реагирует на эти ваши вечеринки и дешёвое пиво, которое вы непонятно откуда берёте.

Я сделала пару глотков воды, чувствуя, как холодная жидкость слегка приглушает жжение. И поспешила последовать маминому совету, будто это могло разом решить все проблемы.

— Если будет плохо — разбуди меня! — прокричала из другой комнаты мама.

— Хорошо! — крикнула я в ответ, уже забираясь под одеяло и закрывая глаза, словно пытаюсь спрятаться не только от света, но и от собственных мыслей.

Ещё примерно час я не могла уснуть. В голове я старательно прокручивала причины своего плохого самочувствия, перебирала варианты, как, надеясь, что один из них окажется правильным. Может, это из-за сна? Похоже, мне опять снилась эта жуть, которую я помнила лишь обрывками.

«Кого тошнит из-за сна?» — продолжила я свои ночные рассуждения, почти шёпотом, будто кто-то мог услышать. «Такого не бывает...»

Нет, определённо, опять снился этот сон. Опять. Но что же там такое снится, что даже тело реагирует, будто всё происходит на самом деле? В этих мучительных размышлениях я наконец провалилась в сон. И, как это часто бывает, когда дёргаешь за нейронные ниточки в попытках что-то вспомнить, они дают ответ — даже если он будет не совсем желанным.

Я стояла у прилавка с овощами, и симпатичный парень лет шестнадцати вдруг сунул мне в руки арбуз. Он оказался неожиданно тяжёлым.

— Мне не нужен такой большой арбуз, — рассердилась я, пытаюсь вернуть его, но пальцы будто онемели и не хотели разжиматься.

— А он и не большой, — спокойно ответил парень. — Пойдём со мной, мы вместе его помоем, и он станет меньше.

Я покачала головой, чувствуя, как внутри зарождается холодок тревоги.

— Я никуда не пойду, — твёрдо сказала я, но голос прозвучал тоньше, чем хотелось бы, почти как детский.

Сквозь пелену сна меня накрыла страшная волна паники — она накатывала, как ледяная вода, сковывая грудь и мешая дышать. Сердце забилося чаще, гулко и отчаянно, будто пыталось пробиться сквозь рёбра. Я посмотрела на свои руки — они были детскими, хрупкими, и кожа на них синела, словно я до этого тащила пакет с сотней таких арбузов. Кровоподтёки проступали на фалангах моих крохотных пальцев; казалось, кости вот-вот треснут под этой непомерной тяжестью.

— Он растёт! — взвизгнула я, чувствуя, как страх сжимает горло. Арбуз и правда будто разбухал в моих руках, становясь всё тяжелее, вытягивая из меня последние силы.

— Только никому не рассказывай, что он растёт, — строго сказал парень и приложил палец к губам, намекая, что эта тайна должна остаться, между нами. В его взгляде мелькнуло что-то жёсткое, не терпящее возражений.

— Я его сейчас уроню! — выкрикнула я, едва сдерживая слёзы.

В этот момент арбуз выскользнул из моих рук. От моих ладоней до пола было не больше метра, но во сне он падал бесконечно долго. Наконец, достигнув земли, арбуз разбился вдребезги. Осколки корки разлетелись по полу, а мякоть расплзлась уродливыми розовыми кляксами.

В воздухе воцарилось неприятное арбузное амбре — яркое, насыщенное, почти химозное. Этот запах был слишком сладким, слишком навязчивым, он проникал в лёгкие, дурманил, заставлял чувствовать себя ещё более беспомощной.

— Никому, — почти шёпотом повторил парень за прилавком и улыбнулся — не дружелюбно, а злобно, почти оскалившись, будто знал что-то, чего не знала я.

К горлу подкатил ком бессилия и отвращения, горький и тяжёлый, как камень. Меня снова затошнило — так сильно, что казалось, будто этот кошмар пытается вырваться наружу вместе с содержимым желудка. В это раз я не проснулась, жуткий сон сменился чем-то другим, а я так и продолжила спать до рассвета.

## Глава 3

### Часть первая. Вспомнить всё

#### Глава 3

Тёплое сентябрьское солнце скрадывало ощущение от ночных кошмаров, что преследовали меня изо дня в день. Лучи падали на плечи, согревали и дарили чувство, будто всё хорошо — я в безопасности.

Как правило, такое чувство от солнца возникало у меня дважды в год. Первый раз — в мае, когда на смену дням, когда дует страшной силы ветер, приходят те, в которые солнце ласково обнимает за плечи. Второй раз особенное ощущение приходило в сентябре — в его середине и конце. Последние мгновения тепла разливались по лицу, заставляя щуриться от яркого света.

Сентябрьское ощущение погоды было немного иным. Мысль о том, что три месяца лета неизбежно прошли, вызывала лёгкую хандру и грусть. Наш мозг устроен так, что именно перед потерей мы начинаем ценить то, что имеем: перед смертью остро чувствуем ценность жизни, во время голода вспоминаем еду, которую когда-то не доели или вовсе не хотели есть. В сентябре мы ловим последние лучи нежного, тёплого солнца и думаем о тех летних днях, когда предпочли остаться дома в хорошую погоду, отдав приоритет чему-то «более важному».

В то осеннее утро сны об арбузах и ночная тошнота остались лишь смутными воспоминаниями о чём-то страшном — о том, чего не было и быть не могло.

Я зашла в автобус и села на свободное место в самом конце, наивно полагая, что это спасёт меня от необходимости уступать место кому-нибудь из нуждающихся.

— Привет, — раздалось справа. Рядом сидела та самая девушка из колледжа, которая вечно зависала в телефоне.

На смену яркому образу, в котором она была при нашей первой встрече, пришли сдержанность и простота: серая юбка, блузка цвета айвори. На шее виднелась аккуратная подвеска, а чёрные, почти с синевой, волосы мягкими прядями спадали на плечи.

— Привет, — отозвалась я, сама удивившись своей готовности заговорить. И тут же продолжила: — Ты тоже где-то тут рядом живёшь?

— Нет, я живу с парнем на Пограничной, — на её лице мелькнула вежливая улыбка. — А сюда приезжала к маме. Папа недавно пережил шестой инсульт... Маме иногда нужна моя помощь, — она чуть замешкалась, будто подбирая слова, чтобы не выдать слишком много.

— Шестой инсульт?! Ничего себе... А что говорят врачи?

— Ну, говорят, что папе надо меньше нервничать. Но мама иногда бывает... немного вспыльчивой, и папе с ней порой непросто, — она опустила взгляд, словно стыдясь этой семейной неловкости.

Уровень наших отношений пока не позволял задавать лишние вопросы, хотя любопытство буквально подталкивало к этому. И всё же того, чем она поделилась, было достаточно — и в какой-то мере даже удивительно, что она вообще об этом заговорила.

— А ты где-то тут живёшь? — прервала мои мысли Ангелина.

— Ну... вообще да, наверху, там, где детская поликлиника. Если знаешь.

— Верхняя или нижняя? Их вроде бы две.

— Нижняя. Мамин дом как раз следующий за поликлиникой.

— А, так ты с мамой живёшь. Ну да, чего я спрашиваю... Тебе же вроде... восемнадцать?

— Да, девятнадцатый уже заканчивается.

— Точно, — кивнула она. — По общению так и знала, что мы ровесники.

Я улыбнулась в ответ.

Ангелине было около восемнадцати — это я выяснила ещё в один из первых учебных дней. Тогда она, не отрываясь от телефона, плюхнулась за первую попавшуюся парту. За мою парту: я специально села одна, хотела побыть в тишине, но её это, похоже, вообще не волновало. В основном мы болтали об учёбе, обсуждали, как тут всё устроено. Ангелине не нравились никакие правила и требования педагогов — от дресс-кода до количества предметов и учебных часов. Так что разговор в автобусе стал почти закономерным событием — и, как оказалось, положил начало нашей дружбе.

— Наша остановка. У тебя наличка есть?

— Нет, у меня карта, — я достала зелёный пластик и показала ей.

— Заплати за меня, я карту забыла. Потом отдам, честно!

— Без проблем, — усмехнулась я. — Пошли.

Мы оплатили проезд и поспешно вышли из автобуса. Перед нами возвышалось большое здание, а перед ним раскинулся сквер. За воротами хлопотал садовник — он явно подрабатывал здесь и дворником, и разнорабочим, а может, даже слесарем и электриком. И всё это за одну, не самую щедрую зарплату. Такова была реальность рынка труда: работы много, работников мало. Платили не то чтобы совсем плохо, но зачастую даже полная ставка не покрывала прожиточный минимум, и люди вынуждены были хвататься за полставки в самых разных местах.

В сквере на лавочках сидели студенты самого разного возраста. В одной группе могли учиться те, кто совмещал работу и обучение, надеясь, что “корочка” об образовании как-то улучшит их жизнь, те, кто примкнул к рядам студентов после одиннадцатого класса (как я, Ангелина и ещё несколько ребят в нашей группе), и те, кто покинул школу после десятого, трезво оценив свои шансы на сдачу госэкзаменов.

На часах было 8:32. До пары оставалось всего восемь минут — значит, надо было потопрапливаться.

Мы вошли в аудиторию. Большая часть группы уже сидела на своих местах. С самого начала распределение парт шло по какому-то неведомому принципу — никто так и не смог его разгадать. Как это часто бывает, студенты разбились на небольшие группки. Кто-то, как мы с Ангелиной, ходил вдвоём.

В дальнем углу примостились две девчонки — Кира и Лиза. Они вечно шептались и хихикали над мемами, а стоило преподавателю отвернуться, как тут же начинали обсуждать чьи-нибудь неудачные фото из соцсетей. Рядом с ними сидел мрачноватый парень по имени Влад — он выглядел так, будто весь этот мир его глубоко разочаровал ещё лет в пятнадцать. Он почти не разговаривал, только время от времени бросал короткие, колючие фразы, от которых все тут же замолкали. Казалось, он пришёл сюда не учиться, а просто пересидеть время, пока жизнь не предложит, что-то получше. Позади Влада, практически обволакивая влюблённым взглядом сидела робкая и молчаливая Оксана.

А ещё тут были Таня и Егор — эта парочка держалась особняком, будто весь мир крутился вокруг них одних. Но если Таня была словно сотканной из нервов и восторга, то Егор... Егор был другим. Образ настоящего бунтаря, кожная куртка. Чёрная кожаная куртка, небрежно наброшенная поверх футболки, рукава закатаны. Он не пытался понравиться, не старался вписаться — он будто бросал вызов всему этому месту одним своим присутствием.

Мой взгляд упал на наше негласное «место» — оно было занято.

— Ну вообще-то тут всегда сидим мы, — небрежно бросила Ангелина и посмотрела на воркующую парочку снизу вверх, приподняв бровь.

За партой сидели Егор и Таня. Егор — тот самый парень, который умудрился не просто опоздать в первый учебный день, а вообще не прийти. Потом он оправдывался тем, что опоздал настолько, что смысла уже не было появляться. Таня, как всегда, принимала вину на себя и воодушевлённо выгораживала его, будто это было её личной миссией.

Егор что-то шептал Тане на ухо; оба даже не повернули головы в нашу сторону.

— Ну... я не знаю, — краснея и хихикая, проговорила Таня, пряча улыбку в воротник свитера.

— Кхм-кхм, — показательно откашлялась моя новая подружка, будто объявляла начало важного заседания.

Егор и Таня наконец обернулись.

— Это вы нам? — серьёзно спросил Егор. От его обычного образа соблазнительного мачо в ту же секунду не осталось и следа — теперь он выглядел скорее как школьник, которого застали за списыванием.

— Вам, вам. Говорю, вы раньше сидели там, — Ангелина ткнула пальцем в сторону парт поближе к доске, — а мы всегда на последней.

— Какая разница? Стулья везде одинаковые. Посидите и за другой партой, — бросил Егор, даже не пытаясь смягчить тон. В его голосе слышалось привычное пренебрежение — так он отвечал всем, кто пытался навязать ему хоть какие-то правила.

Рядом хихикнула Таня, явно довольная тем, как ловко, по её мнению, Егор поставил нас на место. Для неё его грубость была не жестокостью, а доказательством силы.

— Я ещё раз повторяю: вы сидели там, — она снова показала на передние парты, и в её голосе зазвучали стальные нотки. Стало ясно — это вопрос принципа, и уступать она не собиралась.

Я молча стояла рядом.

— Пошли, Тань, пусть подавятся, — Егор резко встал, схватив Таню за руку. В другой руке у него были только тетрадь и ручка — типичный набор студента. Его движение было резким, почти грубым, но Таня будто не замечала этого — она только крепче сжала его пальцы, словно боялась, что он вдруг исчезнет.

На этом утренние диалоги о важном закончились. В аудиторию зашла преподаватель по философии, Елена Михайловна. Её пары были познавательными — но только для тех, кто этого хотел. Для остальных же это был просто повод хорошенько выспаться, прикрывшись конспектом.

Спереди до нас доносился шёпот парочки, которой за это утро и так досталось слишком много внимания:

— Ну, пошли... Все уедут. Я на выходных. Всё как мы хотели, малыш, — тихо шептал Егор, и в его голосе звучала та самая ленивая уверенность, от которой у Тани, похоже, подкашивались колени.

Я невольно прислушалась, пытаясь разобрать слова сквозь гул аудитории. И тут Елена Михайловна, будто нарочно выбрав самый неподходящий момент, возвысила голос:

— И таким образом, концепция соотношения материи и идеального — основной вопрос в философии!

Господи, зачем же так кричать? Совсем не слышно, что происходит. — подумала я.

Я повернула голову к Ангелине в надежде увидеть в её глазах то же любопытство, что грызло и меня. Но она не обращала внимания ни на происходящее впереди, ни на лекцию. Её взгляд был намертво прикован к экрану телефона. Интересно, что можно делать там круглосуточно? Краем глаза я заметила открытый диалог: «Ильяс Новиков».

Любовь к интригам у меня была всегда. Пикантные передачи, программы, где кто-то «выпил на донышке», — всё это вызывало во мне невообразимый интерес и подогревало желание узнать то, что скрыто от окружающих. Учительница русского языка в школе, где я училась, называла это «залезть в грязные трусы». Пусть так, но интерес от этого меньше не становился.

Происходящее на передней парте сейчас было куда интереснее переписки Ангелины. Вдруг оттуда донёлся тихий, но достаточно отчётливый смешок — такой, который пытаются спрятать, но он всё равно вырывается.

— Татьяна? Вам неинтересно? — поправив очки, проговорила Елена Михайловна, произнося Танино имя тем самым голосом тётушки Совы — строгим, но будто слегка уставшим от всего этого. — Если вам неинтересно, я не держу вас на своих занятиях.

— Нет, извините, я слушаю, — покраснела Таня так, что даже уши стали пунцовыми. Она резко одёрнула юбку, будто пыталась одновременно прикрыть и себя, и свою неловкость. А Егор в ту же секунду молниеносно убрал руку — и по тому, как Таня вздрогнула, стало ясно: эта рука только что находилась там, где ей быть на лекции точно не следовало.

Судя по её растерянному виду, она сама не до конца понимала, как они вообще до этого дошли. В воздухе повисло неловкое молчание.

Создалось впечатление, что преподаватель тоже всё заметила, но решила промолчать, чтобы не привлекать ещё больше внимания к этой сцене. Лишь на секунду её взгляд задержался на парочке, а потом она спокойно продолжила:

— Вас это тоже касается, молодой человек, — взгляд Елены Михайловны наконец остановился на Егоре.

— Я понял, — коротко кивнул Егор. В этот раз в нём не было привычной бравады — скорее холодная собранность человека, который умеет вовремя нажать на тормоз.

— Продолжим. Материалисты считают, что первичен материальный мир, физический... — Елена Михайловна вернулась к лекции, и больше замечаний не делала. Да и поводов больше не было: Таня теперь сидела, выпрямив спину и уставившись в тетрадь, а Егор смотрел куда-то вперёд с непроницаемым видом, будто ничего и не случилось.

Я погрузилась в свои мысли, прокручивая в голове разные события — от школьных перемен в седьмом классе, до попытки осмыслить сон двухнедельной давности, который никак не хотел складываться в логичную картину. Мои размышления прервал резкий звонок.

— Темы рефератов скину в чат старосте, — бросила Елена Михайловна уже на ходу, собирая бумаги и торопясь на следующую пару.

Вторая пара прошла без инцидентов. Русский язык и этику вела очень пожилая женщина, которая без конца шепелявила — и вместо «этика» у неё выходило «эсика». Возможно, из-за этого у неё и была небольшая деформация лица. Глубокие морщины прорезали кожу так отчётливо, что она невольно напоминала куклу Изабель из «Астрала» — с этим её отдельным, будто бы живущим своей жизнью движением рта.

На третьей паре я уснула. И нет, мне не было стыдно: солнце лилось сквозь окно, щедро отдавая своё тепло, а мягкий офисный стул, который куда больше подошёл бы для кабинета информатики, неспешно принимал меня в свои объятия.

— Очень сильно урчит в животе, — протянула Ангелина, собирая рюкзак, и ожидающе посмотрела на меня. — Я бы сейчас слона съела. Хотя и какой-нибудь булочки будет достаточно. Пошли в столовую?

— Мне бы куда-нибудь сбегать мелочь. Как думаешь, там принимают наличку?

— Думаю, там только её и принимают, — рассмеялась я.

Смеясь, мы вышли из аудитории. Ещё до входа в столовую меня окутал сладкий аромат выпечки — тот самый, который, стоит столкнуться с ним единожды, уже не забудешь никогда. Запах, возвращающий в детство, манящий и почти гипнотизирующий, будто звал туда, где его источник.

— Ну и очередь, — вздохнула Геля, глядя на огромную толпу голодных студентов. Столпотворение напоминало рой жужжащих пчёл, которые рвутся к маленькой дырочке улья — прямо к буфетчице.

— Будем стоять? — спросила я, хотя ответ был совершенно очевиден.

— Конечно. Вставай, — Геля кивнула в сторону толпы, приглашая присоединиться.

Женщина в буфете работала на удивление быстро, несмотря на свою тучную комплекцию. За прилавком стояла словно ожившая иллюстрация: «буфетчица» — тот самый образ, который есть в голове у каждого, кто хоть раз видел советские фильмы или спектакли. Пышные формы, розовые, полыхающие жаром щёки, белый фартук, туго повязанный на талии, и на голове — аккуратный белоснежный чепчик.

— Говорите, что вам? — буфетчица облизнула палец и взяла фасовочный пакет.

— Мне пиццу и... корзиночку со сгущёнкой, — быстро протараторила я.

— Всё? — женщина вопросительно подняла брови.

— Да, всё, — я интенсивно закивала.

— Пятьдесят пять рублей. Дальше говорите.

Я положила деньги на стойку — без сдачи. Получив желаемое, женщина тут же перевела взгляд за мою спину.

— Мне тоже пиццу. «Две», — сказала Геля и поспешно расплатилась.

Мы пробирались сквозь толпу. Наши пиццы были ещё тёплыми, и из-за этого пакетики запотели изнутри. От этого есть было даже приятнее — будто тепло еды согревало не только желудок, но и что-то внутри.

— А зачем тебе две пиццы? Боишься не наесться? — я посмотрела на Гелю с лёгкой, дружеской иронией.

Она вытащила одну пиццу из пакета.

— Вторую доем дома. Вчера на ужин ничего не готовила, а до вечера на одной пицце тяжело. Пошли лучше сядем — вон стол освободился.

Мы сели за стол, полностью усыпанный крошками; не обращая внимания на беспорядок, принялись поглощать свой обед. Ещё со школы мама наливала мне в термос вкусный чай. Обычно это был чёрный чай или каркаде, но обязательно с сахаром или огромным куском лимона — иногда таким большим, что он перекрывал всю окружность горлышка термоса.

Мы ели пиццу, наверное, минуты две. Я, как обычно, улетела в свои мысли, уставившись в одну точку, и пыталась стряхнуть с себя остатки дневного сна, который застал меня на паре русского языка.

— Геля, — позади нас раздался мужской голос — протяжный, чуть вопросительный. Она резко развернулась, и на её лице тут же расцвела широкая улыбка. Я обернулась следом.

— Приве-е-ет! — затащила Ангелина. — Ты тоже тут учишься?

— Ну, вроде того. Делаю вид, — он усмехнулся, и они с Ангелиной рассмеялись. — Пиццы тут ничего, да? В отличие от декора на первое сентября, ага? — парень перевёл взгляд на меня и подмигнул.

Это был он. Тот самый парень из актового зала. Как только я повернулась в его сторону, кусок пиццы будто застыл у меня во рту — я даже жевать перестала. Сердце предательски ёкнуло, а желудок словно скатился куда-то в пятки. Внутри всё сжалось, и в то же время по коже пробежал странный, щекощущий холодок.

— Вы знакомы? — улыбнулась моя новая подруга. — А я уж думала, придётся распинаться: «Алиса — это Ваня, Ваня — это Алиса». Так неинтересно.

— Спасибо, что познакомила. Мы виделись, но лично не знакомы, — парень смотрел на меня, потирая щетинистый подбородок. — Давайте как-нибудь по нормальному. Я — Ваня, — он протянул руку.

— Алиса, — я осторожно вложила свою ладонь в его. Его рука была тёплой, чуть шершавой — от этого прикосновения мне вдруг стало одновременно спокойнее и тревожнее.

— Очень приятно, Алиса. Ладно, мне пора. Геля, рад был видеть. Звони, если что. Как в старые добрые, — они обнялись.

— Не пропадай, — Геля хлопнула его по плечу и, улыбнувшись нам в последний раз, Ваня скрылся из виду.

— Это мой старый друг. В школе мы учились в параллелях. Он был мне как старший брат: защищал от старших, иногда покупал конфеты. Мы даже думали начать отношения, но решили не портить дружбу. После выпускного как-то сами собой поставили точку в этой романтической идее. Потом ещё созванивались пару тройку раз. Ваня тогда искал работу. А потом так совпало, что я встретила парня, который был против любой дружбы между парнем и девушкой — считал, что её вообще не существует. И наше общение сошло на нет.

— Это тот, с которым ты сейчас вместе?

— Нет, что ты. Это было давно, ещё по школе. Тот парень... мы с ним очень некрасиво расстались. Были звонки мне и маме, даже угрозы. Сейчас вообще не понимаю, почему мы были вместе. Жалко только, что с Ваней перестали общаться. Да и с другими друзьями и подругами тоже. Всё это как то грустно, — горестно продолжала Ангелина.

Я лишь промолчала, не находя слов. Наш разговор, такой душевный и неожиданно открытый, будто завис в воздухе. Из-за растерянности и нахлынувших эмоций я просто сидела и молча кивала. Позднее я не раз ловила себя на мысли, что это был крик души — он не нуждался в моём сочувствии или комментариях. История была такой, какая есть, и словами её не изменить.

Мы с Гелей до конца дня говорили только на нейтральные темы и шутили над всем, что видели. Не раз я слышала, что бывает такое чувство: вы знакомы совсем недолго, а ощущение — будто знаете друг друга всю жизнь. В тот день я впервые в жизни по-настоящему это ощутила. Одновременно это чувство грело душу и настораживало: оно означало, что рядом появился человек, который будет видеть мою уязвимость, понимать её. В моём возрасте это было особенно важно — и особенно опасно: если что-то пойдёт не так, шрамы будут очень глубокими. Такие есть у всех, но далеко не каждый хотел бы, чтобы они появлялись.